

[Охренеть!]

От хриплого, прокуренного голоса у Пэй Чана болезненно запульсировало в виске. Он смолчал, продолжая затягиваться сигаретой.

7008 быстро просканировал статного, длинноногого и явно не обделенного интеллектом человека перед собой, после чего вымучил подобие улыбки.

[Здравствуйте! Система «Мужчина-мамочка» 7008 рада приветствовать вас. С этого момента все устремления носителя станут нашими приоритетными задачами. Мы обязуемся всецело оберегать вас, заботиться о вашем благополучии и окружать искренней любовью...]

От собственного приторного лепета систему аж перекосило — виртуальная физиономия скривилась в гримасе отвращения.

Пэй Чан едва не выронил сигарету из пальцев. Спустя мгновение он выпустил облако дыма и невозмутимо спросил:

— Очередное инопланетное вторжение?

7008 никак не ожидало сбоя в координатах. Его целью был парень этажом выше, а перед этим властным мужчиной, чья аура буквально давила на плечи, язык не поворачивался выговорить привычное «детка».

Раздраженно вздохнув, оно буркнуло:

— Нет.

«Сдалась кому эта Земля».

— Считаю меня... диким маленьким эльфом. — Доведенная до белого каления система присела на корточки и нервно прикурила.

— Диким маленьким эльфом? — Пэй Чан едва заметно вскинул бровь.

Убедившись, что странный гость не представляет угрозы для жизни, он мгновенно вернул себе самообладание. Страхнув пепел, он продолжил невозмутимо затягиваться.

Разговор прервался. В наступившей тишине лишь клубы сизого дыма, медленно поднимавшиеся к потолку, выдавали зыбкую нереальность этого абсурдного момента.

Немного погодя Пэй Чан спокойно затушил окурок прямо об ладонь и деловито поинтересовался:

— Какова твоя зона ответственности? Где находится руководящий орган и предусмотрена ли форма обратной связи для подачи жалоб?

От этих слов за версту повеяло матерым капиталистом. Куривший 7008 мгновенно выпрямился стрункой, нацепив самую серьезную мину.

— Дорогой мой и ненаглядный, неужели в моей работе есть упущения, которыми вы недовольны?

Пэй Чан промолчал, лишь едва заметно приподнял бровь.

Поняв намек без слов, система поспешно отбросила сигарету, ловко выудила откуда-то освежитель воздуха, брызнула им себе в рот и, вежливо сложив ладони на животе, расплылась в угодливой улыбке.

— Будут ли еще какие-нибудь указания?

Пусть 7008 и любил в свободное время приложиться к бутылке, покурить да завернуть крепкое словцо, он оставался самым пронырливым малым во всем системном департаменте и прекрасно знал, когда нужно прогнуться.

— Хвалю за исполнительность, — с тонкой усмешкой обронил Пэй Чан.

Улыбка на лице системы не дрогнула, однако бровь предательски дернулась.

«Хозяин явно указывает мне на мое место».

Пэй Чан быстро вернул себе обычную маску ледяного безразличия. Он перевел взгляд на лестницу, ведущую на верхние этажи. Там, в густой игре теней, дверь мансарды чернела провалом, напоминавшим пасть какого-то чудовища.

Станный звук, встревоживший его ранее, стих, растаяв без следа, будто мимолетный морок. Вокруг воцарилась глухая, мертвая тишина.

Пэй Чан сжал кулак, позволяя свежему ожогу на ладони привычно отозваться острой, отрезвляющей болью. Подниматься выше он не стал — развернулся и ушел прочь с самым невозмутимым видом.

7008 молча покосился на темную лестницу, но предпочел помалкивать.

В ту ночь Пэй Чан так и остался сидеть в темной, погруженной во мрак гостиной до самого рассвета.

На следующий день, еще до рассвета, к полузаброшенному особняку один за другим стали стягиваться люди. Каждый молча занимался своим делом: одни отмывали и чистили запущенные комнаты, другие заносили новую мебель, третьи подстригали разросшийся сад. И когда первые лучи солнца пробились сквозь облака, вчерашние руины уже сияли чистотой и лоском.

Приехавший за хозяином водитель на мгновение опешил. Ему показалось, что вчерашнее мрачное запустение этого места было лишь плодом его воображения. И только когда ему велели разгрузить багаж, он понял, что генеральный директор Пэй действительно решил обосноваться в этом доме.

Больше Пэй Чан не расспрашивал об обустройстве особняка. На посту руководителя, обладающего реальной властью, у него не оставалось свободного времени. Утренние совещания сменялись бесконечной бумажной волокитой, и стрелка часов перевалила за десять вечера, когда он наконец смог перевести дух.

Взглянув на раскинувшийся за панорамным окном океан небоскребов и мигающих неоновых огней, Пэй Чан захлопнул последнюю папку.

— Проект на доработку. На церемонию открытия торгового центра я поеду лично. Завтрашнее утреннее совещание отменяется.

— Понял, — раздался тихий ответ у дверей. Помощник, весь вечер безмолвно стоявший в углу кабинета, почтительно склонил голову.

У выхода из офиса водитель предупредительно распахнул дверцу автомобиля. В этот раз указаний не потребовалось — машина плавно тронулась в сторону улицы Шанцзин.

Пэй Чан терпеть не мог лишнего шума, поэтому шофер свято соблюдал неписаное правило: молчать и не включать музыку, даже самую тихую.

Подобное безмолвие казалось гнетущим, особенно на фоне ночных улиц, где за потоками проносящихся машин не чувствовалось настоящей жизни.

Водитель бросил осторожный взгляд в зеркало заднего вида. Лицо хозяина казалось высеченным из холодного белого мрамора — безупречные черты, тонкие губы и прямой нос

выдавали в нем человека благородного происхождения, но лишенного какого-либо сострадания. Лишь темные тени под глазами — следствие многолетней бессонницы — ложились мрачным клеймом на его породистый облик.

В неосвещенном салоне лишь блики уличных фонарей скользили по стеклу. Закинув ногу на ногу, Пэй Чан отрешенно созерцал пролетающий мимо пейзаж. В своей холодной недостижимости он напоминал затерянный в ледяном океане утес.

Водитель тут же отвел глаза.

Миновав перекресток, лимузин свернул на пустынное шоссе, где по обеим сторонам дороги высились смутные силуэты старых деревьев.

— Генеральный директор Пэй, мы приехали.

Машина бесшумно замерла. Пэй Чан очнулся от своих мыслей.

Вчерашние ржавые ворота, оплетенные мертвыми ветками, теперь сияли свежей краской и позолотой в свете фонарей. А сам особняк, еще вчера казавшийся зловещим склепом посреди чащи, теперь светился гостеприимными огнями.

Пэй Чан вышел из машины. Дворецкий встретил его у порога и повел внутрь. Сорняки бесследно исчезли; в чаше отреставрированного фонтана застыла изящная мраморная чайка, а вдоль дорожки ровными шеренгами выстроилась прислуга — садовники, повара, горничные. Всего за сутки поместье преобразилось до неузнаваемости, вновь обретя былой лоск и величие.

Пэй Чан едва заметно повел рукой, и дворецкий, согнувшись в почтительном поклоне, жестом приказал слугам удалиться.

Вскоре в огромном особняке воцарилась тишина. Пусть этот дом уступал старому поместью роскошью и масштабами, именно здешнее уединение дарило ему долгожданный покой.

Пэй Чан одобрил это место с первого взгляда — настолько, что поспешил переехать сюда без малейших раздумий. Когда он завоевал реальную власть в Корпорации Пэй, то даже бровью не повел; когда убрал с дороги господина Пэя — тоже ничем себя не выдал.

Но сейчас, навсегда покинув стены Старого поместья Пэй, где провел двадцать восемь лет жизни, он вдруг ощутил пробежавшую по телу дрожь. Это была сладкая смесь предвкушения и темной, рвущейся наружу ярости.

Он опустил голову. Плечи его мелко задрожали, когда он закрыл лицо ладонями, но сквозь пальцы все равно пробилась безумная, торжествующая улыбка. В желтоватом свете люстры его тень на полу казалась уродливо искривленной, точно у монстра.

Спустя минуту он справился с собой, опустил руки, и лицо его вновь приняло привычную маску высокомерного безучастия. Равнодушно скользнув взглядом по сервированному столу с изысканным ужином, он ослабил узел галстука и направился напрямик в спальню.

7008 ошарашенно наблюдал за этой сценой, лишившись дара речи. Лишь когда шаги хозяина стихли наверху, система кое-как подобрала отвисшую челюсть. Оно тоскливо поглядело на лестницу, но, вспомнив ледяной взгляд Пэй Чана, решило не нарываться и уныло опустилось обратно на корточки.

Глубокая ночь. Мгла укрыла особняк плотным саваном.

Вдруг в удушливой тишине раздался глухой, заунывный звук. Он повторялся мерно, тяжело, с какими-то затяжными паузами. словно немощный старик из последних сил волочил за собой ржавую цепь.

Пэй Чан в это время метался в тисках кошмара.

Во сне он вновь сделался восьмилетним мальчишкой, который только что притащил с улицы своего первого бездомного пса. Дворняга была доходягой: грязная шерсть свалилась колтунами, скрывая под слоем пыли и колючек ее настоящий окрас. Но Пэй Чан полюбил ее всем сердцем. Заморыш едва держался на ногах и мог лишь жалобно поскуливать, но стоило протянуть к нему ладонь, как он принимался преданно и бережно вылизывать пальцы.

Тогда мальчик впервые в жизни почувствовал, что значит чужое тепло. От этого нежного, влажного прикосновения в груди разлилось щемящее чувство. Не спрашивая ничьего разрешения, он тайно принес щенка домой.

Чтобы старейшина Пэй ничего не прознал, он запер щенка на замок и привязал его к ножке кровати. По ночам он опускал руку на пол, и пес благодарно лизал его пальцы. Стоило тихонько постучать по деревянной раме, как питомец начинал возиться в темноте, а цепь негромко звенела. Под этот тихий шелест Пэй Чан засыпал счастливым.

Но в один ужасный день под кроватью осталась лишь пустая цепь толщиной с палец.

Охваченный паникой ребенок бросился вниз по лестнице и наткнулся на деда. Старейшина Пэй молча преградил ему путь. Его тяжелый, колючий взгляд буравил внука насквозь. Мальчик застыл на месте, чувствуя, как леденеют конечности.

— Ты осознал свою вину? — ледяным тоном спросил старик.

Этот взгляд ощущался физически, будто острие ножа у кадыка. Пэй Чан сжал кулаки, и огонек

надежды в его глазах окончательно погас.

— Я виноват, — с трудом выдавил он пересохшими губами.

— Ступай в кабинет. Будешь стоять на коленях, пока я не разрешу встать.

— Да, дедушка.

Он развернулся и ушел. Солнечные лучи, падавшие из окон просторного холла, больше не могли его согреть. И с того самого дня глубокий, спокойный сон покинул его навсегда.

Лязг ржавой цепи, скребущей по полу, вновь нарушил мертвую ночную тишину.

Пэй Чан резко распахнул глаза. Сердце бешено колотилось в грудной клетке, дыхание перехватило. Он невидящим взглядом уставился в потолок. В ушах стоял пронзительный гул, лишавший возможности сообразить, явь это или продолжение кошмара.

7008, лениво ковырявшийся в пальцах ног, мгновенно оживился. Он выпрямился, сплюнул, пригладил свои три волосины и приготовился к действию.

Пэй Чан сел на кровати и зажмурился, пережидая приступ дурноты. На его осунувшемся лице залегли глубокие тени усталости, а во взгляде, когда он вновь разомкнул веки, сквозила опасная, затаенная злоба.

Спустив ноги на холодный пол, он поднялся и, не включая свет, направился к винтовой лестнице, ведущей в мансарду. Шаг за шагом одолев ступени, он замер перед запертой дверью. Тяжелый навесной замок тускло поблескивал в полумраке. В ночной тишине этот тесный, заброшенный уголок дома казался глухим застенком.

Но едва Пэй Чан подошел вплотную, как странные шумы разом прекратились. Воцарился покой. Настолько глубокий, что в ушах отдавался лишь его собственный хриплый вдох.